

Направление, темп, равновесие¹

II

До сих пор в центре нашего внимания стояли вопросы рыночного равновесия, безотносительно к вопросу о темпах и путях развития общественного хозяйства при такого рода равновесии.

В условиях обычного стихийного менового хозяйства всегда существует тенденция к установлению рыночного равновесия, поскольку, на основе „свободы действия“ закона ценности, только эта форма его хозяйственного равновесия обеспечивает ему возможность роста, возможность расширенного воспроизводства. (Добавим: роста с кризисами, перепроизводством и пр.). Между прочим, дефективность рыночных регуляторов видна хотя бы из того, что общественно-необходимое перепроизводство в момент низкой конъюнктуры воспринимается рынком в форме кризиса сбыта. Осуществление такого рыночного равновесия всегда имеет место, хотя бы и при высоком уровне цен, хотя бы и за счет ослабления темпов роста и качественной реконструкции общественного хозяйства.

Дело в том, что развитие всякого общественного хозяйства в условиях полного рыночного благополучия неминуемо будет иметь более или менее однообразный характер, независимо от характера политической и социальной организации данного общественного хозяйства. (Потому что сохраняются старые пропорции распределения народного дохода; близкое к старому органическое строение капитала, т.е. старая техника; такая же структура производительных сил вследствие сохранения имеющихся межотраслевых пропорций; та же производительность общественного труда; та же система производственных отношений и т. д.). Такой путь развития мы условно называем „эволюционным“. Наоборот, форсирование темпов хозяйственного роста, „скачкообразное“ развитие его, минуя отдельные фазы „эволюционного“ развития или ускоряя прохождение этих фаз, безусловно будет протекать в обстановке рыночной напряженности. Во всяком случае, и стихийное хозяйство видит золотые дни своей конъюнктуры как раз в момент растущих цен, в период высокой конъюнктуры, когда собственно и происходит интенсивный процесс его реконструкции.

¹ Окончание. См. „План. Хоз.“, № 2 за 1929 г.

Таким образом, развитие народного хозяйства необязательно должно идти в условиях рыночного равновесия. Если в общественном хозяйстве значительную роль приобретают волевые элементы, то закон равенства спроса и предложения может быть сдан в архив не только без ущерба для народного хозяйства, но, наоборот, с большей пользой для качественного и количественного роста последнего.

Высший критерий хозяйственного равновесия не критерий рынка, рыночных цен, а критерий производственных показателей, показателей динамики физического объема промышленной и сельскохозяйственной продукции. Поэтому плановое хозяйство может сознательно ломать закон спроса и предложения, сознательно развиваться в условиях товарного голода, если этот путь обеспечивает ему, при данных хозяйственных ресурсах, не только наибольшие темпы роста, но и наибольшие возможности реконструкции народного хозяйства (например, превращение его из аграрного типа в индустриальный).

Вполне понятно, что поскольку существует известная связь между рыночными и производственными показателями, постольку существуют определенные границы такого волевого влияния на хозяйственную динамику. Поэтому, руководствуясь, указанным критерием хозяйственного равновесия (динамикой производственных показателей), не следует доводить коэффициент рыночного напряжения до такого предела, когда можно иметь обратную динамику физического объема продукции того или другого производственного участка. Это уже дело конъюнктурной политики.

Но тогда в какой мере и при каких условиях изменение „эволюционного“ пути развития общественного хозяйства действительно гарантирует ему наибольшие из возможных темпы развития, наибольшие возможности реконструкции хозяйственной системы? Какою ценою покупается такая реконструкция? В чем сущность такого „скачкообразного“ развития? Почему „скачкообразный“ путь связан с нарушением условий рыночного равновесия?

Анализ развития общественного хозяйства в условиях полного рыночного равновесия облегчает ответы на эти вопросы.

При „скачкообразном“ направлении развития общественного хозяйства, как и при „эволюционном“, соблюдение первых двух условий равновесия является обязательным: падение удельного веса накопления при распределении народного дохода в обоих случаях ведет народное хозяйство к недопроизводству и снижению темпов, точно так же, как рост удельного веса накопления при всяком направлении развития повышает темпы роста. С другой стороны, нарушение пропорций при распределении накопления между основным и оборотным капиталом в обоих случаях ведет или к замедлению темпов или к большим перебоям в воспроизводстве, угрожающим взятым темпам.

Сущность „скачкообразного“ развития определяется в основном политикой капиталовложений, состоящей в том, что путем направления вложений в наиболее технически производительные комбинации труда и капитала (при данных общественных условиях), путем форсированного развития на этой технически совершенной базе ведущих отраслей народного хозяйства, в том числе производящих средства производства, следовательно, ценою замедленного в данный момент вовлечения в производство рабочей силы (высокий технический состав капитала новых вложений), ценою замедленного в данный момент роста народного дохода, т.е. чистой продукции хозяйства в целом (поскольку высокое отношение c/v менее производительно по объему продукции на единицу капитала, чем низкое), ценою временного нарушения пропорций между отраслями, стоящими по горизонтали ниже, и выше стоящими отраслями по вертикали, ценою временного нарушения равновесия и временного качественного, а иногда и количественного недопотребления, ценою всех этих моментов на узком отрезке времени покупается наиболее производительная система реконструированного производства, создающая возможность на длительном отрезке времени резкого роста производительности общественного труда в целом, отсюда — возможность высокой нормы накопления, а потому резко расширенного вовлечения в производство живой силы, роста потребительского благополучия широких масс населения и установления предпосылок для длительного хозяйственного равновесия на реконструированной базе производства.

Так как предыдущий анализ эффективности капиталовложений был дан нами с точки зрения равновесия, то методологически правильным будет дополнить его анализом с точки зрения производительности труда. (Последняя же точка зрения совпадает с точкой зрения прибавочного продукта, как точка зрения равновесия совпадает с точкой зрения чистой продукции.)

В капиталистическом хозяйстве, где руководящим принципом хозяйственной деятельности является превращение D в D_1 , рост органического состава капитала является всегда наилучшим способом реализации добавочной прибыли, повышающим одновременно и объем накопления народного хозяйства в целом.

(Так как, оперируя понятием „стоимости“, в ряде случаев нужно исходить из предпосылки твердой оценки, то в дальнейшем мы будем оперировать понятием „продукции“.)

Тем не менее, повышение органического состава капитала за известные пределы, строго индивидуализированные для каждой страны, может не только не увеличить возможную для данного капитала массы прибавочной продукции, но и понизить ее. Иначе говоря, отсталая страна сможет получить при данном объеме капиталовложений не только большую массу чистой продукции, но и

большую массу прибавочной продукции далеко не при самом совершенном производстве передовых стран. Машинизированное производство дает для данного народного хозяйства в целом большую массу прибавочного продукта только в том случае, когда экономия на рабочей силе, благодаря введению машин, будет превышать возможный прибавочный продукт, который могла бы дать эта дополнительная масса капитала при более низком его составе, т.е. за счет дополнительного вовлечения рабочих в данной отрасли или в других отраслях. Речь идет при этом не только о норме, но и о массе прибавочного продукта, так как предприятия с высоким составом капитала могут дать при высокой норме m меньшую массу последней (в силу падения продукции на единицу капитала), чем предприятия с более низкой нормой, но большим объемом продукции на ту же массу капитала.

По интересующему нас вопросу у Маркса имеется такая формулировка: „Если рассматривать машину исключительно, как средство удешевления продукта (разрядка наша. В. А.), то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением“ („Капитал“, т. I). Но так как замещенный труд есть определенный конкретный труд при определенной величине средств производства, т.е. капитала, то формулировка Маркса может быть изменена так: замена уже действующей суммы капитала другой (с повышенным техническим составом) выгодна с точки зрения удешевления продукта или, при неизменных ценах, с точки зрения прибавочного продукта, когда в результате механизации темп роста прибавочного продукта на единицу рабочей силы будет настолько превышать темп падения самой рабочей силы, что новое произведение $m \times v$ не только абсолютно, но и относительно (в процентах к капиталу) превзойдет старое.

Вполне понятно, что в силу неравномерного развития производительных сил в мировом хозяйстве данная степень механизации, выгодная в одной стране, может быть экономически невыгодной в другой стране. Высокая степень механизации, выгодная с народно-хозяйственной точки зрения в С.-А.С.Ш., где концентрируется до 40% всего мирового накопления, а население равно 7% населения земного шара, — экономически нецелесообразна в большинстве передовых европейских стран.

Регулятором такого перераспределения капиталов в стихийном хозяйстве является норма прибыли (процент на капитал), поэтому капиталистическое хозяйство повышает технический состав капитала далеко не при всяком возможном снижении себестоимости, а только тогда, когда масса полученной при этом экономии будет стоять в определенном отношении к затраченному капиталу.

Плановое же хозяйство, руководствуясь, конечно, далеко не всегда критерием рентабельности, должно заменить этот регулятор

(процент на капитал) сознательным подсчетом, так как при данном качественном составе накопления темп определяется массой накопления в отношении к капиталу.

Итак, плановое общественное хозяйство в целях максимального повышения производительности труда в каждой данной отрасли может идти на такую комбинацию c и v , которая, давая меньшую массу чистой продукции против возможной (при P/cv) повышает норму и массу прибавочного продукта всего общественного хозяйства в целом. В дальнейшем повышенное капиталонакопление создает возможность как дополнительного вовлечения в производство рабочих массивов, так и дополнительного создания чистой продукции (P) при уменьшенных издержках производства. Аналогичные выводы можно встретить еще у Д. С. Милля при анализе им пропорции оборотного и постоянного капиталов („Основания“, стр. 95). „...Количество капитала, которое будет или может быть накоплено, и сумма валового продукта, который будет или может быть собран в известной стране, пропорционально искусству в производстве, существующему в ней, и (потому) каждое улучшение даже вначале уменьшающее и оборотный капитал и валовой доход, в конце концов, дает такой простор для реализации того и другого, какой был бы невозможен при других обстоятельствах. В этом и заключается ответ на возражения, поставленные против машин“.

Так обстоит вопрос с линейной точки зрения, с точки зрения эффективности затрат в данной отрасли, в данном предприятии. Но было бы глубоко ошибочным предполагать, что всякий максимальный эффект в линейном направлении обязательно приведет к максимальному эффекту в деле роста производительности труда всего общественного хозяйства, т. е. с комплексной точки зрения. Поэтому плановое хозяйство может сознательно идти на получение от данного капитала в данной отрасли не только меньшей против возможной массы чистой продукции (P), но и меньшей массы прибавочного продукта (m), если этим покупается возможность повышения производительности труда в других отраслях. Достигается это тем, что игнорируя в данный момент закон рентабельности, основную массу вложений общество направляет в „ведущие“ отрасли хозяйства: в наивысшие отрасли по вертикали и в производство средств производства (эти градации переплетаются). (Именно в том и состоит огромное преимущество планового общественного хозяйства перед стихийным, что плановое хозяйство на определенный промежуток времени может подчинить политику капиталовложений задаче максимальной реконструкции производства в целях наибольшего повышения производительности общественного труда в целом.)

Ведущими отраслями мы называем те отрасли, рост производительности труда в которых отражается на росте производитель-

ности труда всего комплекса связанных с ними отраслей. Как правило, вышестоящая по вертикальной связи отрасль ведет за собой нижестоящую, хотя и сама зависит от последней. Конкретизируя это положение следует сказать, что производство средств производства является ведущей группой по отношению к группе производства средств потребления, так как оно дает элементы основного капитала последнему, определяя производительность труда этой группы; по отношению к сельскому хозяйству ведущей группой является химическая промышленность, сельхозмашиностроение и все отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты (мясохладобоевная промышленность, бэконная, консервная и т. д.).¹ Кстати сказать, на примере химической промышленности видна вся недалекость политики капиталовложений, ориентирующейся только на рост эффективности данной суммы капитала, как таковой, вне зависимости от последующего влияния ее на другие отрасли. Так, по данным американских промышленных цензов, химическая группа обладает наименьшей трудоемкостью — 10.000 долл. капитала на рабочего при 3.250 тыс. долл. в среднем по цензовой промышленности, наименьшей суммой условно чистой продукции (валовая без сырья) на единицу капитала — 23 коп. на рубль, против 43 коп. в среднем и т. д. С другой же стороны, вложения в сельское хозяйство обладают большей трудоемкостью и большим выходом продукции на единицу капитала, чем вложения в ряде промышленных отраслей. Однако, в результате роста производительности труда в сельском хозяйстве через химизацию последнего общий рост продукции народного хозяйства, а равно и масса $v+m$ может вырасти при комбинации химии и сельского хозяйства в большем размере, чем это имело бы место при затратах той же суммы капитала исключительно в сельское хозяйство.

Особое значение для роста производительности общественного труда в целом имеет развитие энергетического хозяйства страны и транспорта. Развитие того и другого буквально делает экономические революции в прочих отраслях народного хозяйства: энергетическое хозяйство потому, что является по существу основным эле-

¹ „...Развитие производительной силы труда в одной отрасли производства, напр., в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно естественных наук и их применения, является здесь условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в других отраслях промышленности, напр., в текстильной промышленности или земледелии. Это само собою понятно, потому что товар, вышедший как продукт из одной отрасли промышленности, снова вступает как средства производства в другую отрасль промышленности. Итак, развитие производительной силы труда в подразделении, лежащем вне данной отрасли промышленности, в подразделении, доставляющем этой последней средства производства — вот что в рассматриваемом случае относительно понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала, а следовательно, повышает норму прибыли“ (Маркс).

ментом всякого производства (наивысшая по вертикали отрасль), транспорт же потому, что уменьшая время обращения, ускоряет оборот материальных ценностей, производимых при данной технике производства, а уменьшая стоимость тарифов, действует то же как своего рода наивысшая по вертикали отрасль.

В этом смысле роль транспорта в народном хозяйстве равносильна роли конвейера в производстве. Народнохозяйственное значение транспорта помимо этого также в том, что таковой создает возможность расширенного воспроизводства при данном объеме производительных сил (повышая товарность продукции в ряде районов, особенно сельскохозяйственных), а также повышает производительность общественного труда в целом, создавая предпосылки для наиболее выгодного географического разделения труда. Отсюда, между прочим, громадное значение электрификации и дорожного строительства для развития производительных сил нашего хозяйства. Следует, как и в отношении химической промышленности, подчеркнуть, что в силу высокого органического состава капитала последние две отрасли наименее эффективны сами по себе с точки зрения создания чистой и прибавочной продукции. Не потому ли ряд экономистов считает наиболее эффективными затраты в сельское хозяйство?

Итак, народнохозяйственную эффективность вложений следует измерять не только массой чистой продукции (P) и прибавочной продукции (m), создаваемой данными затратами капитала в данной отрасли производства, а кроме того, и дополнительной массой того и другого, создаваемой благодаря этим вложениям в ряде нижестоящих отраслей во всей их совокупности („комплексная“ эффективность вложений). Так как форсированное развитие „ведущих“ отраслей более или менее резко повышает органический состав капитала общества, то оно не может не явиться причиной товарного голода. Однако, и при развитии „ведущих“ отраслей необходим предварительный расчет при выборе нормы состава капитала, так как далеко не всякая технически совершенная комбинация живого и мертвого труда гарантирует получение наибольшей массы чистой продукции и наибольшей массы прибавочного продукта в данных общественных условиях. (Повторяем: речь идет не только о норме выработки и норме прибавочной стоимости, но и об абсолютной массе того и другого.) Политика капиталовложений, ориентирующаяся на развитие производительной силы общественного труда в целом, хотя бы ценою временного недонакопления, аналогична политике нерентабельного экспорта, где также через потерю известной массы чистой продукции покупается возможность последующего повышения производительности труда, т.е. ценою временной, вернее, даже единичной, потери покупается выгода на длительном отрезке времени.

Народнохозяйственное значение ведущих отраслей не только в том, что таковые создают технически более производительную

базу воспроизводства нижестоящих по вертикали отраслей, но и в том, что развитие ведущей отрасли создает одновременно предпосылки расширенного воспроизводства нижестоящих отраслей, создавая последним растущие рынки сбыта.

Таким образом, при „скачкообразном“ пути развития общественного хозяйства отдельные „ведущие“ его отрасли идут вперед форсированным темпом за счет прочих отраслей, подтягивая затем за собою весь комплекс связанных с ними отраслей на реконструированной базе расширенного воспроизводства, в связи с чем имеет место наибольший, при данных возможностях, рост производительности всего общественного труда в целом. При этом чем выше по вертикали ведущая отрасль, тем больше ее влияние на реконструкцию всего нижестоящего комплекса отраслей. Такой путь развития может иметь место лишь в волевом целеустремленном хозяйстве, ставящем задачу развития производительных сил для последующего роста жизненного уровня широких трудящихся масс. Поэтому капиталистическое хозяйство, движимое стимулом к превращению D в D_1 , как правило, также не может пойти по этому пути развития, как и не пойдет на нерентабельный экспорт (исключаем *damping*, „нормальный“ и „валютный“). Нарушение „эволюционного“ пути развития такого хозяйства обычно имеет место или путем концессий, т.е. импорта капиталов, или в порядке организации государственных предприятий (тяжелая промышленность, железные дороги); особое значение имеет политика протекционизма.

Так как вложение капиталов в ведущие отрасли имеет место за счет нарушения межотраслевых пропорций, то возникает вопрос о границах, о пределах нарушения таких пропорций с точки зрения данного момента и последующего этапа хозяйственного равновесия.

Но каковы законы сопротивления „социально-экономической материи“?

С точки зрения данного момента абсолютный предел такого нарушения пропорций достигается тогда, когда повышенные против нормальных пропорций (с точки зрения абсолютного равновесия) вложения капиталов в ведущие отрасли нарушают общественно необходимый объем воспроизводства путем превращения в основной капитал текущих элементов воспроизводства, путем более или менее резкого отвлечения капиталов от прочих отраслей.

В этом случае товарный голод из фактора реконструкции диалектически становится фактором деградации, разрывая рыночные связи и приводя постепенно к установлению равновесия на пониженном уровне (неполная загрузка работающего основного капитала вследствие дефицита сырья, понижение товарности деревни как по зернохлебам, так и по сырью, усиление внутренней его переработки и т. д.).

С точки зрения последующего развития предел достигнут, когда новая комбинация производительных сил в меньшей мере

повышает производительность общественного труда, чем это могла бы сделать иная комбинация живого и мертвого труда, более приближающаяся к „естественным“ пропорциям. Последнее явление, между прочим, может иметь место тогда, когда: а) ведущие отрасли настолько отрываются от своего Hinterland'a, что длительное время принуждены работать с недогрузом вследствие недостатка „потребителей“; б) когда резко повышенный технический состав капитала „ведущих“ и прочих отраслей не компенсируется „комплексным“ эффектом капиталовложений в целом.

Конкретизируя первое положение, следует сказать, что товарный голод на средства производства не должен задерживать загрузку уже имеющихся основных капиталов или об'ем строительства, возможный по финансовым условиям; с другой же стороны, товарный голод на средства потребления не должен нарушать номинальных покупательских фондов населения или же задевать жизненные интересы широких трудящихся масс.

Но если в дальнейшем встает вопрос о подтягивании отстающих отраслей по уровню ведущих, о замыкании расширенных кругов воспроизводства, что связано с относительно большим вложением капиталов в отстающие отрасли, чем это имело место раньше, то не лучше ли с самого начала было бы итти сплошным выравненным фронтом всех отраслей народного хозяйства, развиваясь вдобавок в условиях рыночного равновесия? Безусловно нет, потому что замыкание расширенных кругов воспроизводства имеет место на базе более реальной комбинации производительных сил, чем это имело бы место при „эволюционном“ характере развития.

Нужно заметить, что в условиях развития дисгармонического хозяйства рост ведущих отраслей может иметь место, ориентируясь на уже существующие рынки сбыта, в порядке вытеснения с таковых импортной продукции.

Мы не останавливались еще на одном моменте: социальной персонификации производительных сил. Эволюционный характер развития воспроизводит в расширенном масштабе старую социальную структуру общества, старую систему производственных отношений. Это обстоятельство уже по чисто политическим соображениям далеко не безразлично.

Реконструкция производительных сил неминуемо должна проходить в обстановке не только рыночной, но и социальной напряженности. В наших условиях общехозяйственная напряженность усугубляется „плановыми“ просчетами, невежеством, конкурирующим с преступностью (см. на страницах наших газет вопросы капитального строительства и просто непониманием возможностей развития волевого планового хозяйства. Последнее объясняется тем, что этот путь развития противоречит законам развития стихийного общественного хозяйства, изложенным во всех учебниках политэкономии; об этом и твердит ряд экономистов, переносящих

методы развития стихийного хозяйства на экономику волевого целеустремленного хозяйства. По нашему мнению, сама возможность такой дискуссии объясняется в лучшем случае тем, что, к сожалению, для ряда экономистов, законы экономики переходного периода не изложены еще ни в одном учебнике, а в худшем — нежеланием понимать задачи пролетариата и содействовать их осуществлению.

Перейдем теперь к анализу конкретного материала.

Ровно год тому назад мы писали следующее:

„Характерною особенностью переживаемого хозяйственного периода является то обстоятельство, что на фоне высокой хозяйственной кон'юнктуры, в условиях расширенного воспроизводства народного хозяйства, мы наблюдаем явления так называемого „товарного голода“. Противоречат ли эти факты друг другу, или же находятся в известной связи? Каковы причины товарного голода; в какой мере они имеют временный характер и в какой органический? Эти вопросы вновь привлекают к себе внимание после памятной дискуссии в конце 1925 г. о диспропорции нашего хозяйства, инфляции и т. д.“

В настоящее время мы также не имеем единства экономической мысли в деле объяснения причин и природы товарного голода:

1) одни объясняют товарный голод диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью (как будто бы эта диспропорция не существовала и в довоенное время);

2) другие — перманентной инфляцией, поскольку темп роста кредитно-денежного обращения обгонял в последние годы темп роста торгово-промышленного оборота (как будто бы рост денежной массы целиком определяет рост покупательных фондов населения и, срезав первую, можно срезать вторые);

3) третьи — интенсивным ростом капиталовложений, несоответствующим росту реального накопления; но в рамках народного дохода рост одного слагаемого может итти только за счет другого; если поэтому капиталовложения превышают „реальное“ накопление, то это значит, что мы инвестируем оборотные фонды (растущие, кстати, из года в год) и изымаем потребительские фонды населения (опять-таки растущие из года в год, благодаря росту зарплат в городе и росту покупательных фондов деревни);

4) четвертые — интенсивным ростом капиталовложений при параллельном же росте потребления (но так как выпрыгнуть за пределы народного дохода нельзя, то теоретики этого рода благополучно скатываются к простейшему объяснению явлений товарного голода „инфляционной“ гипотезой;

5) пятые — вложением капиталов в капиталоемкие виды строительства, не дающие быстрого материального эффекта (Днепрострой и пр.) — эта концепция недостаточна для объяснения проблемы товарного голода в целом, так как для каждого данного момента одно

изменение направления капиталовложений не сможет ни уменьшить размера денежного спроса, ни увеличить товарного предложения;

б) шестые — нерентабельной политикой цен, поскольку цены строятся не на основе законов рынка, т. е. сообразно балансу спроса и предложения, а на основе общей распределительной политики государства (этого рода теории совершенно плоски, так как задача в том и состоит, что нужно объяснить — почему при данном уровне цен расходятся платежеспособный спрос и товарное предложение);

7) седьмые — считают товарный голод результатом плохого планирования, очевидно, полагая, что любое волевое изменение направления и темпов развития всегда может протекать в условиях рыночного благополучия; этого рода „плановики“ совершенно безнадежны.

Наконец, большинство экономистов „объясняет“ товарный голод простой тавтологией, когда видит его причины в расхождении платежеспособного спроса и товарного предложения.

Довоенная действительность не является для нас идеалом ни с точки зрения конструкции производительных сил, ни с точки зрения темпов развития, не говоря уже о моментах распределения. Но эта действительность за последние довоенные годы развивалась в условиях полного рыночного благополучия. Почему же мы должны расти в условиях товарного голода, почему не можем обеспечить в ближайшие же годы желаемого темпа и направления в условиях рыночного равновесия, если унаследовали старый производственный аппарат и если баланс спроса и предложения имеет место при повышенных против довоенного времени ценностных эквивалентах? (Последний момент в значительной мере имеет номинальный характер вследствие падения меновой стоимости золота.)

Остановимся детальнее на первой предпосылке.

Пореволюционное хозяйство оказалось целиком связанным с дореволюционным, поскольку оно восприняло производственный аппарат последнего с его мертвым и живым инвентарем, с его наукой и техникой, определенным кадром трудящихся определенной квалификации и т. д., — аппарат, приспособленный к удовлетворению по объему и качеству старого общественного потребления, старому направлению развития, старым темпам роста.

Следует, однако, оговориться, что производственный инвентарь дореволюционного хозяйства далеко не целиком перешел к новой общественной формации вследствие отхода ряда районов довоенной империи, вследствие физического и морального износа и прямого разрушения в период империалистической и гражданской войны основного капитала в сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, жилфонде и т. д., вследствие абсолютного уничтожения всяких резервов и материальных оборотных фондов, вследствие деформации трудящихся кадров населения (война, эпидемии, эмиграция и пр.), т. е. физического и морального износа

и прямого уничтожения переменного капитала страны. Таким образом, в ряде элементов унаследованный инвентарь оказался или абсолютно меньше довоенного или относительно (на душу населения), являясь морально и физически изношенным в обоих случаях. В этот унаследованный инвентарь революция внесла ряд качественных коррективов, изменив структуру сельского хозяйства (уничтожение крупных хозяйств и нивелирование прочих хозяйств), структуру промышленности и т. д. Из этого нужно сделать вывод, что сохранение даже довоенного характера развития народного хозяйства упиралось бы в ряд узких мест: общий недостаток резервов, недостаточное производство чугуна, текстиля и пр., недостаток городского жилфонда, ряда квалифицированных рабочих и специалистов и т. д.

Но дело в том, что вследствие изменившихся производственных отношений, вследствие изменения общественно-политической формации пореволюционное хозяйство оказалось целиком отличным от дореволюционного: а) по характеру распределения народного дохода между потреблением и накоплением; б) по характеру социального распределения народнохозяйственного фонда потребления, т. е. по объему и составу личного потребления общества, в) по характеру капитального строительства (межотраслевые пропорции и органический состав капитала). Очевидно, что эта коллизия между производственными возможностями общества и между характером общественного потребления в целом должна была проявиться в общей рыночной напряженности, являясь таким образом настоящей причиной товарного голода. Короче говоря, генеральная реконструкция всего народного хозяйства в результате революции и волевой перевод его из одной формации в другую (политика индустриализации) — вот основные причины товарного голода.

При этом, если в восстановительный период по преимуществу, т. е. в период постепенной загрузки унаследованного основного капитала, решающим фактором рыночных диспропорций являлась реконструкция общественного потребления в целом, то в период реконструкции производства по преимуществу (начиная с 1926/27 хоз. года) решающий фактор рыночных диспропорций — политика капиталовложений.

Соответственно с этим мы с самого начала „восстановительного“ периода имели потенциальные возможности товарного голода. Можно поэтому подвергнуть большому сомнению само понятие „восстановительного“ процесса, поскольку путь к достижению довоенного уровня народного дохода есть путь сплошной реконструкции народного хозяйства. (О реконструкции нашего хозяйства говорит как факт различной степени „восстановления“ отдельных элементов народного хозяйства, так и различный уровень роста рыночных цен на отдельные товары или же различная степень их дефицитности.)

Так как начало товарного голода имеет место фактически с конца 1925/26 хоз. года, то на первый взгляд кажется, что товарный голод в наших условиях является результатом недокапитализации, а отсюда почти всеобщего недопроизводства, вследствие того что к концу восстановительного периода, т.-е. к концу 1926/27 хоз. года, производительность труда в сельском хозяйстве (урожайность) и в ряде отраслей промышленности еще не достигла довоенного уровня, тогда как фонды зарплаты одних промработчих (включая начисления) превысили довоенный уровень уже в 1926/27 г. почти на 30%, то же имеем в отношении фондов зарплаты для транспортных рабочих и потребительских фондов деревни (см. далее).¹

Такой вывод является безусловно неправильным. Исчисления, произведенные комиссией по накоплению при НКФ СССР,² говорят, что удельный вес накопления в народном доходе СССР составлял в 1924/25 г. 9,5%, а в 1925/26 г. — 11,3% против довоенных 8 — 8,5%. Пользуясь инвентарным методом, на основе цифровых материалов контрольных цифр Госплана СССР³ мы получили более высокие цифры как для 1924/25 и 1925/26 гг. так и для последующих двух лет. Так, чистый прирост основных и оборотных фондов (последние без сельского хозяйства) народного хозяйства составлял в 1925/26 г. 3.500 млн. руб., в 1926/27 г. — 4.650 млн. руб. и в 1927/28 г. — 4.560 млн. руб., что дает в процентах к народному доходу кругло 16, 20 и 18%.⁴ Иначе говоря, к концу восстановительного периода норма накопления в нашем хозяйстве превышала довоенную норму не менее чем в полтора раза, приближаясь к нормам накопления передовых капиталистических стран. Параллельный рост нормы накопления и фондов потребления широких трудящихся масс (рабочих и крестьян) в обоих случаях имел место за счет резкого сокращения массы непроизводительного потребления довоенной России (платежи по займам, доходы дворянско-капиталистически-помпадурских элементов и пр.) и в известной мере за счет срезывания доходов высококвалифицированных групп трудящихся, лиц свободных профессий и т. д. Что же касается ближайших лет, то по мере роста производительности труда в реконструируемой промышленности и сельском хозяйстве норма накопления в нашем хозяйстве может превысить норму в 20%, т.-е. норму С.-А.С.Ш.⁵ (кстати сказать, производи-

¹ „Бюллетень Конъюнкт. института НКФ“, № 12 за 1927 г.

² „Вестник Финансов“, № 9 за 1927 г., Железнов, „Накопление в народном хозяйстве СССР“.

³ „Основные проблемы“, стр. 172 — 211.

⁴ Если сделать корректив на запасы сельского хозяйства, то, несмотря на разницу в ценах (фонды взяты в ценах 1925/26 г., а народный доход — в ценах 1926/27 хоз. года), получим еще более высокие нормы накопления.

⁵ Между прочим, запрокинутые пятилеткой суммы капиталовложений смогут быть реализованы, несмотря на удвоение народного дохода (в неизменных ценах), только при условии повышения существующей нормы накопления не менее чем в полтора раза, т.-е. до 30%.

тельность общественного труда в наших условиях будет превышать производительность общественного труда капиталистического хозяйства при равном техническом составе капитала того и другого вследствие одного факта общественной организации производства, как такового). Отсюда повышение коэффициента оборачиваемости материальных капиталов как в сфере производства, так и обращения до технически возможных пределов.¹

Но такое перераспределение народного дохода между потреблением и накоплением, имевшее место на относительно коротком отрезке времени, безусловно должно было привести к резкому изменению характера всего общественного потребления в целом, а следовательно, и к нарушению рыночных пропорций. В таком же направлении действовало и перераспределение общественного фонда потребления между отдельными группами населения.

Остановимся вначале на процессе реконструкции личного потребления городского населения. В силу резкого сокращения доходов нетрудовых элементов городов, а также общей нивелировки уровня жизни прочих групп населения — рабочих, служащих и лиц свободных профессий — потребление более квалифицированных предметов личного потребления (а следовательно, и спрос на них) должно было снизиться, и наоборот — потребление (а потому и спрос) товаров менее квалифицированных должно было увеличиться. Не вдаваясь в длинные статистические исследования, скажем, что в наших кооперативных магазинах ковры, картины, драгоценности и пр. предметы, вовсе не первой необходимости, расцениваются значительно дешевле их довоенной стоимости. Наоборот, увеличился спрос на такие пищевые продукты как яйца, масло, мясо, белый хлеб и пр., а также на шерсть, лучшие сорта бумажных тканей (традиционный „ситец“ давно уже сдан в архив), лучшие сорта кожи и пр. Так, по данным государственной и ведомственной статистики (см. речь тов. Рыкова в „Экон. Жизни“ от 22/II 1928 г.), потребление рабочих еще в 1926 г.

¹ Проблема темпа есть другая сторона проблемы производительности общественного труда („производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя“ (Ленин). При прочих равных условиях наша социально-экономическая система имеет следующие преимущества перед капиталистической в деле повышения производительности общественного труда: а) преимущество общественной организации производства (отсюда возможность более рационального географического разделения труда, более высокой оборачиваемости капиталов вследствие пониженной нормы резервов и облегчения всех процессов модификации стоимости T в D и T_1 в T_2 и т. д.); б) более высокая норма накопления вследствие снижения всех видов непроизводительных затрат; в) специфическая политика капиталовложений (ориентировка не на „рентабельность“, а на производительность); г) принципиально иное взаимоотношение накопления и потребления (перманентное „узкое место“ капитализма — рынок — не может явиться в наших условиях „проблемой“); д) более или менее радикальное устранение всех социально-исторических пережитков, мешающих развитию производительных сил; е) принципиально отличный характер всех „надстроек“ и т. д.

сравнительно с довоенным временем характеризовалось такими изменениями: потребление пшеничной муки увеличилось на 67%, а ржаной — уменьшилось на 5%, потребление мяса увеличилось на 50%, а рыбы — уменьшилось на 36%, соответственно доля коровьего и постного масла +25% и -3%, одновременно увеличилось потребление одежды, белья и обуви на 15% и т. д. Очевидно, в 1927 и 1928 гг. этот процесс пошел еще дальше.

Аналогичный процесс имел место и в деревне. Это вытекает из того, что в деревне также имел место процесс нивелирования доходов сравнительно с довоенным временем (процесс „осереднячивания деревни“) в результате нивелирования производственной базы крестьянства, при чем деревня в целом избавилась от ряда обязательных платежей, а самое главное — освободила ту часть своего дохода, которую она должна была тратить на покупку земли и аренду.¹ В результате этих процессов хроническое довоенное „недоедание“ деревни резко сократилось: современная деревня, как и город, больше потребляет продуктов полеводства, животноводства, птицеводства и пр., чем довоенная. На реконструкцию потребления деревни имел влияние и такой факт, как уничтожение религиозных предрассудков — уничтожение постов. Этот процесс реконструкции и расширения потребления в значительной мере повлиял на уменьшение товарной продукции деревни. Так товарность сельского хозяйства до войны составляла 24% чистой продукции, а в 1927/28 г. — 16,9%, или другими цифрами — валовая продукция деревни достигла уже довоенного уровня, а товарная масса только 73%. (На уменьшение товарности сельского хозяйства, помимо указанной причины, влияли, конечно, и другие факторы: уничтожение крупных товарных хозяйств, недостаточная урожайность, рост деревенского населения и проч.). С другой стороны, повысился уровень потребления деревней промышленных товаров. По общему мнению, современная деревня предъявляет спрос на товары городского типа: городского покрова и качества обувь и одежду, городского типа мебель и проч.

Равновесие между спросом и предложением на рынках товаров личного потребления могло иметь место лишь при соответствующем перераспределении наличных производственных возможностей, когда измененное товарное предложение ответило бы измененному спросу по объему и качеству. Поскольку реконструкция сельскохозяйственного и промышленного производства, а также импорта, имела место не в должном размере, или вовсе не имела места, цены на одни товары выросли за пределы общего уровня цен (напр., цены на масло, яйца и проч.), другие же товары при твердых ценах должны были остаться в дефиците. Понятно, что степень дефицитности, как и степень роста цен, неодинакова для различных товаров. (Отсюда же,

¹ По данным комиссии СНК по изучению тяжести обложения населения СССР, современное обложение крестьянства почти в два раза меньше довоенных его платежей, включая платежи за землю.

между прочим недавно возникшая, но уже забытая проблема ассортимента, качества и пр.). Здесь нужно принять во внимание еще одну особенность нашего потребления за истекший ряд лет. Дело в том, что процесс реконструкции потребления имел место во время восстановления потребления. Иначе говоря, в этих условиях спрос на товары обуславливался не только качественно измененными нуждами амортизации (замена старых костюмов, обуви, мебели и пр. новыми) и потребностями „естественного“ прироста этих благ, но и потребностями ликвидации запущенности, поскольку за время военного коммунизма все „обносились“ и „отощали“. Этот процесс восстановления потребления имел значение не с количественной, а с качественной точки зрения. Смешно думать, что в период восстановления больше покупали, чем в другие периоды; спрос определяется суммой денежных доходов, за которую нельзя выпрыгнуть, хотя бы все население не имело одежды, обуви и т. д. Восстановление потребления играло свою роль в деле установления качественных пропорций между спросом и предложением, поскольку оно так резко меняло структуру и характер спроса, что производство не успевало количественно и качественно приспособляться к изменяющемуся спросу. Отсюда резкие переходы от бестоварья к затовариванию, постоянная проблема ассортимента, качества и проч.

Конечно, реконструкция потребления росла с ростом доходов городского и сельского населения. Поэтому, при прочих равных условиях, в 1924/25 хоз. году мы имели относительно большое равновесие между спросом и предложением на рынках широкого потребления, нежели в 1926/27 г., так как характеру денежного спроса и потребления более соответствовала структура и величина производственных возможностей, унаследованных от довоенного периода. По мере же роста доходов населения росла и диспропорция между спросом и предложением в силу того, что существующая производственная структура по величине и характеру своей продукции не удовлетворяла величине и характеру растущего реконструированного потребления. При другом характере потребления, более отвечающем характеру существующих производственных возможностей, мы имели бы больше элементов рыночного равновесия.

Таким образом, нарушение равновесия на рынках широкого потребления есть результат резкой реконструкции потребления, которой не могла ответить такая же по объему и качественному составу продукция, поскольку реконструкция производства вообще требует более или менее длительного отрезка времени даже при общественно-необходимом характере капиталовложений. Между тем, процесс реконструкции производства средств потребления, как и вообще процесс количественного приспособления его к растущему объему измененного потребления, временно задерживается вследствие неизбежной и совершенно правильной политики капиталовложений,

ориентирующей в первую очередь на развитие отраслей, производящих средства производства. Такое направление капиталовложений, диктуемое интересами индустриализации страны, безусловно не имело бы места в условиях стихийного менового хозяйства, где верховным регулятором хозяйственного развития является рынок. Руководствуясь принципом рентабельности, отдельные предприниматели направляли бы свои и чужие накопления в наиболее товарно-дефицитные отрасли производства (т.е. в отрасли, продукция которых высоко расценивается рынком) и потому скоро наступило бы равновесие, купленное, однако, ценою понижения последующих темпов развития и ценою изменения самого направления развития.

Параллельно реконструкции личного потребления имела место и реконструкция капитального строительства в смысле изменения характера и направления вложений. Уже одно изменение структуры строительного куба против довоенного времени (вследствие изменения строительных конструкций и направления вложений) должно было создать такие же диспропорции на рынках стройматериалов, какие имели место на рынках товаров личного потребления. Эти диспропорции между спросом и предложением должны были усиливаться по мере роста общего объема капитального строительства, по мере приближения последнего к довоенному уровню. Поэтому, в 1926/27 хоз. году, в силу более раннего „восстановления“ фондов личного потребления, мы имели более острый товарный голод на рынках товаров широкого потребления нежели на рынках стройматериалов. Но уже в 1927/28 г., когда объем строительства превысил объем 1926/27 г. на 19⁰/₁₀₀, а довоенный объем более чем в полтора раза, острота товарного голода усилилась и на последних рынках. Кстати сказать, отсюда же „дефицит“ на рынках строительных рабочих и повышенный спрос на строителя-специалиста. (Абсурдность „инфляционной“ трактовки товарного голода видна уже из того, что для нас наиболее дефицитными элементами строительства является квалифицированная рабочая сила, в том числе и грамотные экономисты.)

Безусловно, что и на рынках товаров производственного потребления, как и на рынках товаров широкого потребления, мы имели даже излишнее обострение товарного дефицита вследствие нарушения пропорций между вложениями капиталов в отдельные отрасли промышленности, вертикально связанные друг с другом. Отсюда проблема сырья промышленного происхождения и напряженность на самом рынке стройматериалов. Своевременное вложение нескольких десятков миллионов рублей в строительную промышленность создало бы технические предпосылки (к имеющимся финансово-экономическим предпосылкам) для реализации строительных программ на сотни миллионов рублей. Нелепость чисто финансовой точки зрения — „объем капиталовложений превышает „реальное накопление“ страны“ — лучше всего видна на примере напряженности капиталъ-

ного строительства вследствие недостатка... кирпичей, олифы, древесины, извести и проч., т.е. тех материалов, производство которых требует относительно минимальных затрат капитала. Но более быстрое развитие вышестоящих по вертикали отраслей, чем нижестоящих, обуславливает дефицит и в более капиталоемких материалах; напр., развитие машиностроения упирается в недостаток чугуна, металлургии — в недостаток руды и т. д. Рыночное напряжение усиливается еще потому, что наивысшие по вертикали отрасли являются одновременно отраслями высокого органического состава капитала с отдаленным рыночным эффектом. С другой же стороны, продукция такого строительства требует для своей реализации новых вложений в нижестоящие по вертикали отрасли. Равновесие наступает на реконструированной базе производства лишь при замыкании всего производственного центра; до этого же замыкания — рыночное напряжение.

Следует, однако, подчеркнуть, что при всей народнохозяйственной целесообразности перераспределения накопления в сторону промышленности и электрификации, а в первой — в сторону производства средств производства, такое перераспределение имело место иногда без достаточного внимания к интересам нижестоящих отраслей. Вследствие этого уже в 1927/28 хоз. году, помимо внутрипромышленных диспропорций, обнаружился ряд других нежелательных диспропорций, которые становятся настолько узким местом народного хозяйства, что угрожают его расширенному воспроизводству.

Одним из таких узких мест является сельское хозяйство.

Медленный путь мелкобуржуазного развития, по которому невозможно достаточно эффективно реконструировать сельское хозяйство, не был компенсирован ростом обобщественного сектора, с одной стороны, и достаточной механизацией и химизацией бедняцко-средняцкого хозяйства, с другой. Последнее же имело место вследствие недостаточности вложений в совхозы и колхозы, недостаточности вложений в химическую промышленность и сложное сельскохозяйственное машиностроение, недостаточности вложений в различные мероприятия (ирригация, сортовое зерно и проч.) и т. д.

В безусловном минимуме оставалось экспортное строительство, несмотря на то, что импорт до сих пор является самым узким местом на пути индустриализации. Между тем, только импорт создает возможность генеральной реконструкции общественного хозяйства для отсталых стран, позволяя модифицировать общественную продукцию последних на качественно более высокую продукцию передовых стран.

Прежде чем перейти к анализу импорта, следует сказать, что совершенно вне сферы внимания оставалась до сих пор проблема дороги, несмотря на то, что на бездорожьях мы теряли и теряем очень много (в результате замедления скорости обращения материальных благ, в результате сокращения объема обращающихся благ, доро-

говизны транспортных издержек и проч.). Статистический материал контрольных цифр Госплана в достаточной мере подтверждает все вышеуказанные выводы, чем и искупается необходимость цифровых иллюстраций в нашей статье.¹

Какие изменения произошли в структуре современного импорта? Общая стоимость довоенного импорта равнялась 1.220 млн. руб. (для 1913 г.), что составляло к народному доходу довоенной России (в современных границах) 7—8%.

Структура импорта была такова: промтовары производственного назначения составляли около 71%, а товары личного потребления около 29%. В связи с отходом ряда районов с развитой фабрично-заводской промышленностью, эти цифры подлежат некоторой корректировке. Вследствие подчинения импорта интересам индустриализации, производственная часть импорта за последние годы сильно увеличилась за счет сокращения потребительской части импорта. Доля товаров широкого потребления составляла в общей сумме импорта 23,7% в 1924/25 г.; 21,4% в 1925/26 г., 14,7% в 1926/27 г. и 16,7% в 1927/28 г.² Безусловно, эта реконструкция имела бы еще более резко выраженный характер, если бы мы сопоставили современный импорт с скорректированным довоенным.

Это подчинение импорта интересам индустриализации диктуется еще и тем обстоятельством, что значительная часть довоенного импорта имеет потребительский характер. Дело в том, что благодаря росту потребления деревней и городов продуктов полеводства и животноводства экспорт этих товаров резко сократился (по зерну — на 79%, по яйцам на 65%, по маслу на 50% и т. д.), что в связи с увеличением внутреннего потребления отдельных видов экспортного сырья и проч. отразилось и на степени „восстановления“ импорта. Отсюда импорт в 1926/27 г. составил только 52,6% довоенного уровня, а в 1927/28 г. 69%. Подчинение импорта потребительским интересам срезало бы всякую возможность качественной трансформации наших накоплений. Во всяком случае при этом условии производственная часть импорта оказались бы резко уменьшенной даже против довоенного времени, когда направление капиталовложений не имело такого индустриализирующего значения как в настоящее время.

Отсюда исключительное значение монополии внешней торговли в деле реконструкции народного хозяйства, поскольку мы имеем возможность использовать более высокий уровень производительных сил капиталистических стран в интересах развития своих производительных сил. Именно поэтому нерентабельный экспорт имеет положительное народнохозяйственное значение, точно так же, как

¹ „Основные проблемы“, стр. 206—211.

² Г. М. Кржижановский, „Десять лет хозяйственного строительства“, стр. 82.

инвалюта представляет для нашего хозяйства качественно большую стоимость, чем ее паритет к червонцу.

Все указанные процессы резкого перераспределения народного дохода между потреблением и накоплением, реконструкции общественного потребления и т. д. протекали на сравнительно коротком отрезке времени и при более чем ослабленных резервах, что неминуемо должно было обострять рыночное напряжение, создавая, вместе с тем, обстановку повышенного финансового напряжения.¹ Нужно подчеркнуть, что резервы — одно из слабейших звеньев во всей нашей системе планирования. Отсутствие резервов к началу нэпа объясняется проеданием таковых в период военного коммунизма. В дальнейшем же подавляющая масса накопления шла в основной капитал и потому запасы за последние три года, при абсолютном росте даже относительно уменьшились (в % к народному доходу). Детальный цифровой анализ, произведенный нами для Украины (см. „Хоз. Укр.“, № 10, стр. 44—66), приводит, напр., к следующим выводам. В лучшем положении находятся запасы средств производства промышленности (сырье, топливо, вспомогательный материал и проч.), составляющие около 3 мес. нормы (к производственному обороту); наоборот, запасы готового фабриката падают из года в год (90 дней в 1924/25 г. и 20 дней в 1927/28 г.), при чем торговые запасы не компенсируют этого падения, оставаясь и в рознице и в центральных звеньях на месячной норме (к обороту). Такие твердые нормы запасов держатся почти на одном уровне на протяжении года, независимо от сезонности и проч. Последним и объясняется дефицит и перебои в снабжении даже достаточными товарами и т. д. Обратной стороной недостаточности народнохозяйственных резервов является, конечно, недостаток денежных резервов, а поэтому и перманентное финансовое и кассовое напряжение торговли, промышленности, бюджета и кредитной системы. Поэтому вышеприведенную характеристику финансовой напряженности (см. теоретический раздел нашей статьи) целиком можно приложить к нашей действительности.

И, last not least, одним из факторов нашего хозяйственного напряжения является „плановая“ безграмотность. Лишенные регуляторов стихийного хозяйства, развиваясь вопреки этим регуляторам, мы не имеем достаточных кадров экономистов плаников; отсюда бесконечные „плановые просчеты“, „неувязки“, оперативные ошибки и просто головоплетство.

Чем обуславливались, напр., хозяйственные затруднения конца 1926/27 г. и начала 1927/28 г., потребовавшие применения ряда экстренных мероприятий? Почти одновременно: 1) интенсивным развитием капитального строительства на сотни миллионов рублей на протяже-

¹ Так, отношение строительства к народному доходу повысилось с 11,7% в 1925/26 г. до 15,2% в 1927/28 г.; соответственно для бюджета нетто — 13,8% и 21,0% и т. д.

нии нескольких месяцев (отсюда диспропорции на рынках стройматериалов); 2) проведенным в IV квартале десятипроцентным снижением промышленных цен, что резко увеличило реальную покупательную способность населения; 3) параллельным ростом номинальной заработной платы промышленных рабочих, а также ростом фондов заработной платы строительных рабочих; 4) сезонным развитием эмиссии, авансирующей сел.-хоз. заготовки; 5) действием внеэкономических факторов; 6) сезонным ослаблением работы промышленности и т. д.

При ином, календарном распределении этих процессов мы имели бы менее напряженную конъюнктуру.

Теперь стоит вопрос: могло бы наше хозяйство при существующих объемах потребления и накопления иметь в ближайший отрезок времени достаточное рыночное равновесие, могло бы оно развиваться в условиях рыночного благополучия и если да, то какую ценой? (Проблема импорта капиталов не принимается нами во внимание.)

Когда ряд экономистов утверждает, что наши капиталовложения не отвечают капиталонакоплению, то поверхностность этого вывода более, чем очевидна. Существующий объем накопления, превышающий объем довоенного накопления, целиком отвечает объему капиталовложений. По крайней мере, никто еще не доказал, будто в итоге последних трех лет хозяйственного развития мы ежегодно конфисковали путем высоких цен потребительские фонды населения, задерживали рост фондов заработной платы и инвестировали оборотные фонды народного хозяйства, а все эти явления всегда сопровождают капитальное строительство, если его объем превышает объем накоплений.

Действительная причина товарного голода — политика капиталовложений, подчиненная интересам индустриализации страны, а также генеральная реконструкция общественного потребления в результате революции.

Еще в январе прошлого года мы писали:

„По существу перспектива такова: или сильно понизить темп индустриализации за счет интересов сегодняшнего дня; создать временное потребительское благополучие за счет роста производительных сил; накопить больше резервов за счет уменьшения оборачиваемости капиталов, т. е. за счет темпа воспроизводства, для того, чтобы иметь „спокойную“ конъюнктуру, или итти по пути, который позволит в короткий ряд лет превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, что только и создаст возможность уничтожить безработицу, повысить уровень жизни трудящихся и ликвидирует, в конечном итоге, и самый товарный голод. Выбор сделан: мы идем по второму пути. Вся соль теперь в текущей конъюнктурной политике, которая должна сделать этот путь относительно устойчивым“ (см. нашу статью в „Укр. Эконом.“ от 27/1 1928 г.).

Итак, громадное преимущество нашего хозяйства перед стихийным в том, что ценою временного качественного недопотребления, ценою временного замедления темпа роста общей массы народного

дохода, ценою относительно замедленного вовлечения в производство рабочей силы, ценою хозяйственного напряжения покупается возможность резкого темпа роста производительности общественного труда в целом.

Равновесие следует искать на расширенном базисе, который только и создает предпосылки длительного последующего равновесия.

Как уже указывалось, пореволюционное хозяйство получило старый производственный аппарат не только в техническом смысле — старое оборудование, устаревшая квалификация рабочих и специалистов и проч., но, что самое главное, старый аппарат в смысле приспособления его к старым рыночным потребностям, старым темпам роста и направлению этого роста. Изменение последних моментов как бы встречает об'ективизированный, о материализированный протест побежденных социальных групп, протест старых производительных сил, служивших старой социальной структуре. Отсюда плата за реконструкцию. Кстати сказать, дороговизна нашего капитального строительства есть тоже своего рода плата за реконструкцию, поскольку мы строим модернизированные предприятия, электростанции и проч., которым не отвечает своей квалификацией унаследованный старый строительный аппарат. Отсюда анекдотические примеры строительства, где невежество вполне конкурирует с преступностью. Но если нам суждено итти этим путем, то почему развитие всех хозяйственных процессов имеет место в условиях товарного голода, а не в условиях дороговизны; не в условиях рыночного равновесия, хотя бы на основе высоких цен. Почему сдается в архив баланс спроса и предложения на основе ценностных факторов (вообще же за определенный отрезок времени спрос и предложение всегда балансируются)?

Ведь политика „рентабельных“ цен не только „успокоила“ бы рынок, выравняв спрос и предложение, но как будто бы увеличила и фонд накопления за счет срезывания потребительских фондов. Вряд ли это так; вернее, совсем не так.

Не приходится долго доказывать, что рост цен в данный период привел бы к народнохозяйственному кризису. Но независимо от условий данного момента, развитие при твердых или даже снижающихся ценах больше отвечает характеру экономики переходного периода, чем развитие при стихийном уровне цен. С точки зрения интересов широких трудящихся масс далеко не безразлично — иметь ли товарный дефицит при твердых ценах или равновесие при высоких ценах. Товарный голод при твердых ценах не конфискует покупательских фондов населения, что было бы возможно при условии высоких цен, а лишь модифицирует возможную структуру потребления. Оставляя в стороне социально-классовые моменты политики цен, нужно сказать, что и с чисто экономической точки зрения, с точки зрения роста производительных сил, развитие нашего хозяйства, при

стихийных ценах, шло бы меньшими темпами, так как рост цен каждый раз срывал бы объем хозяйственных связей гораздо резче, чем это может сделать товарный голод. С другой же стороны, расширенный выход продукции гораздо скорее сможет оздоровить рынок путем ослабления товарного голода, чем путем обратного снижения повышенных перед этим цен. Цены в наших условиях опережают реальное равновесие спроса и предложения; это подвижной лимит, к которому мы идем путем расширенного промышленного воспроизводства; точно так же, как установленный паритет червонца к инвалюте есть второй подвижной лимит в этом смысле (приближение к мирово-хозяйственному уровню цен по мере приближения к мировой производительности труда).

Вполне понятно поэтому своеобразие денежной системы в условиях товарного голода. Отражая не реальное соотношение спроса и предложения, а волевою установку государства в деле ценообразования, валюта приобретает элементы „хартальности“, становясь счетной единицей. С другой стороны, это — лимит будущего хозяйственного равновесия, к которому нужно итти путем расширенного воспроизводства при одновременном росте производительности общественного труда. Как понимать поэтому защитников „твердой“ валюты? Только в одном смысле: в смысле резкого изменения характера рыночных связей, в смысле сближения рыночного спроса и предложения на пониженном уровне воспроизводства и пониженной производительности труда, в смысле ослабления политики индустриализации.¹

Странно, однако, только то, что некоторые экономисты допускают возможность волевого регулирования паритета к инвалюте (против фактов нельзя ведь итти: пример активной девизной политики австрийцев), не допуская, вместе с тем, возможности волевого регулирования денежного обращения внутри страны.

В какой мере уже окупилась „издержки индустриализации“? Реконструирована ли уже производственная база? Созданы ли предпосылки такого повышения производительности общественного труда, когда мы имели бы возможность нагнать и перегнать С.-А.С.Ш.? Нам кажется, что мы имеем более чем недостаточный срок для того, чтобы действительность смогла бы дать окончательный ответ на эти вопросы. Товарный голод имеет только 2½-летнюю давность; совсем ведь недавно ряд экономистов упражнялся в писании статей о затоваривании и пр.

Таким образом, период реконструкции более чем короток, причем ряд объектов строительства находится в процессе стройки. Эффект капитального строительства, купленного ценою товарного голода, скажется лишь во втором пятилетии, так как лишь к концу первой пятилетки будут закончены главнейшие работы (новые эле-

ктростанции, заводы и пр.) и подтянуто все народное хозяйство по уровню „ведущих“ отраслей.

Это, конечно, не значит, что теперешняя острота товарного голода не будет и не должна быть смягчена в наикратчайший период. Нужно необычайно резко подчеркнуть, что „издержки индустриализации“ смогут дать свой народнохозяйственный эффект только при условии технически целесообразной проектировки отдельных видов капитального строительства и при условии достаточных темпов роста качественных показателей работы ведущих отраслей. Ведущие отрасли будут камнем на шее всего народного хозяйства, если не дадут ожидаемого от них эффекта. Между тем, страницы наших газет буквально вопиют о всех недочетах капитального строительства. Отсюда такие курьезы, когда себестоимость продукции механизированного производства стоит дороже себестоимости немеханизированного производства. Но дело далеко не в одной технической совершенной реализации строительства. Повторяем, технически совершенное выполнение капитального строительства только тогда даст свой эффект, когда сами проекты строительства будут проектироваться с учетом оптимальной количественной и качественной эффективности на каждый затраченный рубль капитала.

В какой мере соблюдаются у нас все эти условия, если беспроектное строительство до сих пор являлось правилом, а не исключением; если запроектованная стоимость строительства по мере хода строительства удваивалась и даже утраивалась? Но даже при условии строительства по проектам, действительно ли были всегда учтены критерии чистой продукции и прибавочной продукции, т.-е. критерии количественной и качественной эффективности капиталовложений с линейной точки зрения (с точки зрения данной отрасли, данного предприятия) и с комплексной точки зрения (с точки зрения эффекта вложений одной отрасли на производительность труда других отраслей)? А в какой мере учитывались вопросы межотраслевых пропорций и вопросы равновесия (относительного, конечно)?

В какой мере, на все эти вопросы отвечает пятилетка?

Мы ставим эти вопросы не для того, чтобы посеять сомнения, а для того, чтобы приковать все общественное внимание к этим кардинальным проблемам нашей экономики, для того, чтобы заставить десять раз отмерить при проектировках строительства и один раз резать, а не наоборот.

Подводя итоги, ставим старый вопрос в новой постановке: не являются ли наши выводы об издержках товарного голода, о „скачкообразном“ характере развития апологией действительности, о которой обыватель, имеющий историческую перспективу не в 5—10 лет, а в 5—10 дней (очереди!), отзывается далеко не лестно? Вышеизложенные соображения в первом разделе нашей статьи дают соответствующий ответ на эти вопросы, а логика ведь

¹ „Da ist der Hund begraben“.

обязывает. Для любителей же фактов мы ставим контр-вопрос: оправдала ли себя политика протекционизма? Кое-каким экономистам не вредно вспомнить, как фритредеры защищали от протекционистов выгодное для потребителя, выгодное для народного хозяйства в данный короткий отрезок времени международное разделение труда.

Как будто действительность оправдала протекционистов. Так вот, с нашей точки зрения, политика товарного голода есть логически доведенная до конца политика протекционизма, регулирующая не только объем связей потребителя с внешним рынком, но и с внутренним рынком (путем соответствующей политики капиталовложений). Наоборот, с нашей точки зрения, апологетами абстрактной мысли являются те экономисты, которые абстрактные законы политэкономии, нигде и никогда не действовавшие в своей чистоте (ср. доводы Фр. Листа), а всегда подвергавшиеся корректировке человеческой волей в тех или других интересах, — делают прокрустовым ложем для живой реальности. Фетишизируя абстракции политэкономии, напр., самый реакционный для нас в своей абстракции закон стоимости, эти апологеты забывают, что категории политэкономии есть общественные отношения, которые тем более принимают для общества форму закона, т.-е. объективного регулятора, чем более стихийны производственные отношения, чем слабее плано-волевое начало. Апологеты абстрактных категорий политэкономии уподобляются тем физикам, которые отрицали бы возможность авиации, исходя из абстрактных законов падения тела (в абстрактном безвоздушном пространстве).

Поэтому дискуссия должна была бы стоять не в плоскости — оправдывает ли себя политика товарного голода, а в плоскости — каковы конкретные пределы, каковы конкретные границы волевого влияния нашего планового начала на нашу экономику; каковы, далее, критерии терпимости и экономической целесообразности той или другой степени товарного голода и т. д. Но такова уж судьба экономии, где само определение закономерностей приобретает политический характер.

Не приходится доказывать, что в наших условиях развитие народного хозяйства эволюционным порядком было бы связано с наибольшим благоприятствованием интересам деревенской и мелкой городской буржуазии... Закон жизни: все живое рождается в муках. Муки родов капиталистического хозяйства продолжались десятилетия; развитие производительных сил капитализма покупалось ценою вырождения и обнищания отдельных социальных групп и даже народов. Развитие молодого социалистического хозяйства покупается как будто более дешевою ценою — ценою товарного голода на коротком исторически отрезке времени, при чем жизненные интересы широких трудящихся масс покупаются ценою вырождения... городской и сельской буржуазии, которой политика „скачкообразного“ роста заказы

вает пути развития. Однако опасно было бы делать обратный вывод — чем больше напряжение, тем больше реконструкция.

Точно также, если кредитно-финансовое напряжение в результате недостатка резервов приводит к замораживанию кредитную систему, а отсюда один шаг к инфляции, то и здесь — нарушение указанных пределов. Лишенные регуляторов стихийного хозяйства, мы должны усилить плано-вое начало, а также роль и значение конъюнктурной политики. Накопление известного минимума маневренных резервов должно создать объективные предпосылки планирования.

Речь идет о создании того минимума резервов, который гарантировал бы относительную бескризисность расширенного воспроизводства. Повторяем: наличие определенных норм резервов обязательно как для хозяйства, развивающегося в условиях рыночного равновесия, так и для хозяйства, развивающегося в условиях товарного голода.

Особое значение должно иметь усиление обобщественного сектора торговли, поскольку в условиях товарного голода и регулируемых цен торговый аппарат должен быть не чем иным, как аппаратом плано-вого распределения товарных благ. На моментах конъюнктурной политики в условиях товарного голода остановимся в другой раз.

От редакции. Статья тов. Акуленко печатается в порядке обсуждения.